

РУСЛАН

Рыс

В л а д и м и р
С н е г и р е в

ЛАН

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА ИНГУШЕТИИ,
РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ И ЕГО ДРУЗЬЯМИ

 ЭТЕРНА
Москва
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3
С53

Книга издана при поддержке
ООО «Юг-Нефтепродукт»

*В книге использованы фотографии Александра Гращенкова,
а также из личных архивов Р.С. Аушева и автора*

Фото на обложке из архива
Владимира Снегирева

Художник
Елена Шурлапова

Снегирев, Владимир
С53 Руслан: История жизни первого президента Ингушетии, рассказанная
им самим и его друзьями. — М.: Этерна, 2014. — 248 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00349-9

Это первая и единственная книга о жизни Героя Советского Союза, президента Республики Ингушетия Руслана Султановича Аушева. Ее автора, известного российского журналиста, связывают с героем три десятилетия крепкой дружбы. Возможно, именно это обстоятельство делает повествование необычно доверительным, насыщенным многими неизвестными доселе фактами.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00349-9

© Снегирев В.Н., 2014

От автора

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Было это давным-давно. Лет тридцать тому назад. Мы с Русланом Аушевым шли вдвоем по улице Горького (нынешней Тверской) вниз от Пушкинской площади. Стояло лето, светило солнце, его лучи ярко отражались от Золотой Звезды на груди у моего друга. Мы шли, и все прохожие изумленно оборачивались нам вслед: кто этот молодой герой? И не скрою: мне тоже было приятно, словно свет от Звезды грел и мою душу.

Много времени прошло с той поры, а это ощущение света, идущего от моего друга, осталось. Не только от Золотой Звезды, но и от него самого.

О Руслане Султановиче Аушеве до сих пор не было написано ни одной книги, и сам он ничего о себе не написал. Что, согласитесь, странно.

Он ведь не просто Герой Советского Союза и не просто первый президент Ингушетии. Он национальный Герой. Человек, который бесстрашно воевал в Афганистане, а затем своими мудрыми действиями во многом предотвратил расползание чеченской войны по всему Северному Кавказу. Он первый и единственный Герой Советского Союза среди ингушей. Хотя это не говорит о том, что в этом народе было мало храбрецов, — во время Великой Отечественной их не раз представляли к высокому званию, но Сталин всегда находил предлог, чтобы звезду не давать.

Отчего же Аушев до сих пор не написал никаких мемуаров? Ответ на этот вопрос вы найдете, если сподобитесь до конца дочитать эту книгу. В ней много нового, прежде никогда не публиковавшегося о Руслане, да и обо всей нашей жизни.

Теперь о том, почему все-таки эта книга появилась и почему ее автором стал я.

Летом 1983 года газета «Комсомольская правда» задумала провести массовый праздник для своих читателей в казахстанском городе Экибастузе. Это сейчас мало кто знает такое название — Экибастуз, а в те годы оно гремело на всю страну. Всесоюзная комсомольская стройка. Гигантские угольные разрезы. Мощная электростанция. Даешь стране угля!

Для участия в днях «Комсомолки» — так это называлось — надо было сформировать авторитетную бригаду из ведущих журналистов, писателей, артистов, известных людей. Ну, словом, как бы сказали сейчас, из «звезд». Мне как редактору военного и спортивного отделов поручили обеспечить представителя от Вооруженных сил, и желательно, чтобы он был героем-афганцем. Война в Афганистане к тому времени продолжалась два с половиной года. Мы знали, что есть уже Герои Советского Союза, а с некоторыми из них я даже успел подружиться. Но дружба дружбой, а служба службой. В то время ничего нельзя было сделать без ведома Главпура, то есть Главного политуправления Советской армии. Я обратился туда: дайте нам для поездки в Экибастуз афганского героя — и через положенное время получил ответ: рекомендуем слушателя Военной академии имени Фрунзе Аушева Руслана Султановича.

Накануне поездки мы встретились. Он пришел в редакцию — подтянутый, молодой майор, с пышными усами и геройской Звездой на кителе. Очень скромный и очень достойный. У него были голубые глаза и располагающая открытая улыбка. Стали разговаривать.

Вот ведь какая странная штука жизнь. Как вскоре выяснилось, мы целый год были рядом: он служил в Кабуле, а я в Кабуле работал корреспондентом «Комсомольской правды». У нас был миллион поводов пересечься — в ходе военных операций, в городе, в штабе армии (а его полк стоял поблизости), да где угодно, — но судьба распорядилась так, что мы познакомились только сейчас, на улице Правды, 24, на шестом этаже того знаменитого дома, где были «Правда» и «Комсомолка». А наутро мы отправились в Казахстан.

Молодой майор с первых же часов стал любимцем всей нашей разношерстной бригады. Все сразу оценили в нем благородство, честь, красоту, отвагу. Женщины смотрели на него с обожанием. Мужчины наперебой предлагали свою дружбу. Когда во время

встреч с читателями он выходил к трибуне, зал замирал, и Руслану всегда доставалось больше всего аплодисментов.

Он был не просто отважный офицер, герой войны, он являл собой идеал — воина, мужчины, рыцаря.

Когда вечером, после поездок по объектам комсомольской стройки, после выступлений и встреч, местные начальники «накрывали поляну» и начиналось неформальное общение, Руслан и тут давал всем фору — он выходил в круг и так зажигательно танцевал лезгинку, что даже самые тертые из нашей компании изумленно переглядывались: ух ты! Прежде мы такого не видели.

Из Казахстана мы вернулись друзьями. Знаете, как это иной раз бывает: слов сказано мало, зато проскочила искра, сцепилось что-то между двумя людьми, и все — они друзья до гробовой доски. Так случилось и у нас. Руслан стал частым гостем в моем доме, его с радостью приняли все мои прежние товарищи, да и «Комсомолка» с тех пор всегда приглашала его на свои массовые акции.

Помню, мы ехали в Ленинград — тоже на встречи с читателями и тоже разношерстной компанией: журналисты, артисты, писатели. Молодые были, могли гулять до утра. И вот сидим в купе на головах друг у друга, анекдоты, веселимся, дым столбом, и Руслан с нами. И тут один представитель, как сейчас говорят, шоу-бизнеса вдруг возьми и ляпни: «Нет, майор, не там ты получил свою Звезду». То есть по нынешним меркам он выступил вроде как демократ и либерал, противник афганской войны, но это, напомню, происходило в начале 80-х, Аушев был нашим кумиром, любимцем, настоящим героем. В купе сразу возникла тишина. Просто мертвая тишина. Никто ни слова не произнес. Но это была такая тишина, что артист все правильно понял. Он поднялся с места, взял свою сумку и молча вышел. На станции Бологое он сошел с поезда, и больше мы его никогда не видели.

Руслан тогда учился в Академии имени Фрунзе, а я поступил в аспирантуру Академии общественных наук. По вечерам, после необременительных занятий, мы встречались в спорткомплексе «Динамо» на улице Петровка и занимались карате, вернее сказать, рукопашным боем, потому что карате тогда было запрещено: какой-то придурок из ЦК счел этот спорт подрывающим основы социализма. Нашу секцию тренировал такой же молодой майор Володя Чугунов, и ему страшно импонировало, что на татами присутствует настоящий Герой Советского Союза.

Лето 1983 года. Дни газеты «Комсомольская правда» на ударной стройке в Экибастузе (Казахстан). Молодой майор с первых же часов стал любимцем всей нашей разношерстной бригады. Он сразу нашел общий язык и со знаменитыми тележурналистами, и со «звездами» эстрады, и с местными начальниками

Из Казахстана мы вернулись друзьями

На встрече с читателями «КП» в Ленинграде. Второй слева – заместитель главного редактора газеты Николай Боднарук

Лично мне тренировки не очень нравились: этот спорт явно противоречил моим представлениям о гармонии. Но зато каждый раз после занятий было хорошо. Погревшись в сауне, мы шли в ближайший гастроном, затаривались там сухим вином, садились где-нибудь в сквере, разговаривали, вспоминали, смеялись, а иногда посиделки продолжались или у меня дома, или у Руслана в общении на Садовом кольце.

И всегда в центре компании был он, Аушев. Так повелось.

Руслан стал очень популярным человеком — не проходило недели, чтобы его не приглашали куда-нибудь выступать. Он встречался с пионерами, студентами, рабочими, сотрудниками милиции, журналистами, его без конца сажали в разные президиумы и показывали по телевизору. Выяснилось, что спрос на ярких героев в стране был и остался достаточно высок. Космонавты к тому времени уже, что ли, приелись, стали привычными. Так что Аушев появился очень вовремя. И ясно, что дело было не только и даже не столько в той Звезде, которая сияла на его кителе, а в самой личности Руслана, в его улыбке, его скромности, его умении говорить с людьми.

Еще год спустя мой друг стал моим братом. Названным, разумеется. Случилось это так. Руслан пригласил меня погостить у них дома в Грозном. Я приехал. Познакомился с его родителями — Султаном Юсуповичем и Тамарой Исултановной. После чего стал другими глазами смотреть на Руслана. Многое в его поведении, его привычках, его характере обрело ясность.

Дело в том, что он с пеленок был воспитан таким — благородным, отважным, с понятием чести в своем сердце. Многое шло от отца — Султан Юсупович являл собой тот тип кавказца, который прежде встречался мне только в классической литературе. Высокий, худощавый, горбоносый, щеточка седых усов, неизменная папаха на голове, пронизательный, острый взгляд, грамотная и образная речь. Он был немногословен, но когда говорил, сразу хотелось достать блокнот и записывать, а еще рядом с ним всегда хотелось расправить плечи.

Единственное, что мне вначале сильно не понравилось: вечером в день приезда мы сели за стол, но Руслана с нами не оказалось. Он был за спиной: наливал чай, приносил и уносил тарелки.

— Султан Юсупович, — взмолился я, — ну пусть он сядет с нами. Ведь Герой же, его вся страна знает.

Руслан еще в начале 80-х годов стал очень популярным человеком. Не проходило недели, чтобы его не приглашали куда-нибудь выступить. Женщины смотрели на него с обожанием. Офицеры наперебой просили у него автографы

— Пусть, — смиренно ответил Аушев-старший. — Пусть сядет.

И ни один мускул не дрогнул на его лице, а Руслан только осторожно похлопал меня по плечу: мол, закрывай эту тему — и остался стоять у нас за спинами. Потом, когда он куда-то отлучился, Султан Юсупович склонил ко мне свою седую голову:

— Такой обычай. Сколько мы с вами просидим, столько он стоять будет. Хоть сутки, хоть трое. Потому что я так стоял у своего отца, а мой отец — у моего деда, и сын Руслана будет так стоять, когда к нему гости придут, а если Руслан нарушит этот обычай, он не мой сын и он — не ингуш.

Так же было и несколько дней спустя, когда мы отправились в Пригородный район города Орджоникидзе (теперь Владикавказ), где жили преимущественно ингуши, на встречу с патриархом вайнахской литературы Идрисом Базоркиным. Его роман «Из тьмы веков» для горцев как для русских «Война и мир». Писатель-классик и другие старейшины очень хотели лично познакомиться с первым Героем-ингушем. В большом доме на окраине города по этому случаю накрыли стол. Султан Юсупович был посажен на почетное место, а рядом (совсем не по чину) усадили меня, и было прекрасное застолье — с мудрыми тостами, неспешными разговорами. Все было хорошо, за исключением того, что тот, ради которого затевалось торжество, то есть Руслан, все это время просидел во дворе за другим, гораздо более скромным столом, рядом со сверстниками. Такой обычай.

Много открытий сделал я для себя за те несколько дней в том, еще мирном и многонациональном Грозном, в том скромном домике, увитом виноградной лозой. Руслан повез меня в дальнее ущелье, родовое место ингушей, показал на грозные каменные башни: «Вот здесь и жили мои предки». Я был гостем на свадьбе его (а впоследствии и моего) друга Беслана Коригова. Тоже все время удивлялся: целый день сидели с одними мужчинами за столом, разговаривать было не положено, одни говорили тосты, другие их слушали, и на следующий день все повторилось. К вечеру я взмолился:

— Бес, ты мне невесту покажешь или так и уеду в Москву, никогда ее не увидев?

Беслан, добрая душа, улыбнулся, глянул на Руслана, тот кивнул.

Поехали в дом невесты. Она стояла в углу, празднично разодетая, однако лицо было прикрыто платком. Так я толком тогда и не понял, на ком женился наш друг.

Он повез меня в дальнее ущелье, родовое место ингушей, показал на грозные каменные башни: «Вот отсюда и вышли мои предки»

А когда уезжал, Султан Юсупович подозвал к себе сына, показал на меня:

— Вот, Руслан, это будет теперь твой старший брат. Вы, Володя, согласны?

Я лишь голову с почтением склонил: ну какие могут быть возражения, если тебе предлагают стать членом такой достойной семьи...

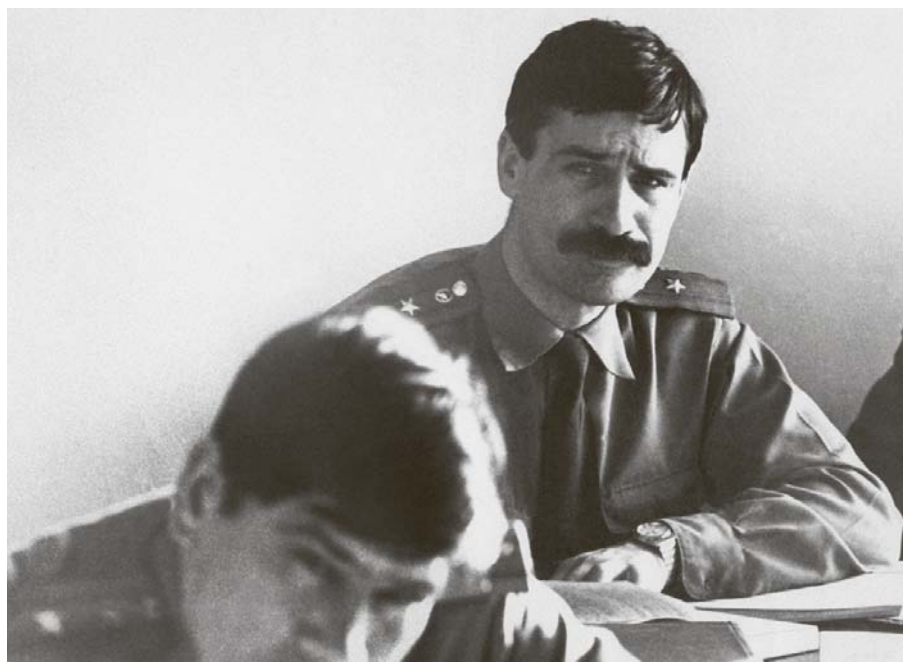
Кстати, к тому времени уже и два других брата Руслана тоже успели повоевать в Афганистане, оба были ранены, получили боевые ордена. У них на троих наград было никак не меньше двух десятков. Это в мирное-то время! Адам и Богаутдин (в доме его обычно звали Борисом) тоже служили офицерами и в той же, что и Руслан, 108-й дивизии. Уникальная получалась семья.

Руслан вскоре и сам женился, у него родилась дочь Лейла. Ютились по-прежнему в комнатке офицерского общежития на Садовом кольце.

А между тем учеба в Военной академии подходила к концу. Как Герой и обладатель диплома с отличием, он имел преимущественное право на распределение. Мог попроситься в любой, самый престижный военный округ или в Европу, например, в Группу советских войск в Германии. Или даже остаться в Москве — кто бы ему отказал?

Он написал рапорт с просьбой направить его в Афганистан. Снова на войну.

Когда все прощальные застолья уже отшумели, все напутствия уже были сказаны, мы остались вдвоем, Руслан и я. Был поздний вечер, скорее даже ночь. Мы стояли в пустом вестибюле станции метро «Проспект Мира». Утром он улетал в Кабул. Я оставался. Мы оба знали, что свой лимит безнаказанно ходить под пулями он исчерпал еще в прошлый раз. Чудес не бывает. Безумием было снова искушать судьбу. Мы оба знали, что теперь все может обернуться очень скверно.

В Военной академии никаких поблажек Герою Советского Союза не делали. Наоборот, спрашивали с него вдвойне. Руслан окончил академию с отличием

Редкие поезда с грохотом проносились по перегону. Запоздалые пассажиры торопились в вагон, не обращая на нас никакого внимания.

Мы молча стояли друг против друга. Он опять уезжал туда, где для него — это точно — была отлита пуля. Бывают вещи, которые не объяснить посторонним. Мне казалось, я его понимал.

Пора... Любые слова, которые я мог теперь сказать, были ничемны. Клянусь, я знал наперед, что будет.

Мы молча обнялись. Он повернулся и вошел в вагон. Я сжал зубы.

Он писал мне из Кабула: «Ты просишь сказать, почему я снова попросился в Афганистан. Но ведь сколько об этом говорено еще в Москве, ты же помнишь... Новых доводов у меня не появилось. Если хочешь, повторю старые. Понимаешь, когда мне вручили Звезду, жить как прежде я уже не мог. А тут еще стали называть моим именем пионерские дружины, трудовые бригады. Седые старики на родине вставали при моем появлении. И представь теперь, что я бы поехал после академии в какое-то тепленькое местечко. Что бы люди подумали? Где-то идет война, а этот лощеный майор отсиживается. А теперь я на передовой, то есть именно там, где обязан быть в этот момент. На бумаге всего не выразишь — ты это сам знаешь, ты профессионал. Коротко скажу так: здесь я еще больше утвердился в своем решении».

Весной 1986-го я приехал в Кабул в короткую командировку и в первый же день нашел Руслана. Он служил в том же месте, что и раньше, только был теперь начальником штаба полка. Он с гордостью показывал мне свое хозяйство: светлые, чистые казармы, офицерское общежитие, обсаженные молодыми деревьями дорожки, русскую баню, столовую... Ему хотелось, чтобы мне понравилось, ведь я помнил эту часть еще всю палаточную, неухоженную — в 81-м. Он любил свой полк и хотел, чтобы я разделил это, понял его.

— Конечно, романтики на этой должности меньше, — сказал он. — Приходится заниматься планированием всей жизни, организацией службы. Штаб — это мозг полка. Хороший штабист все двадцать четыре часа в сутки на своем посту.

Видно уловив в моем взгляде вопрос, пояснил:

— Нет, я не очень хороший штабист. Ты же мой характер знаешь. Характер прежний, командирский. Но через это тоже надо пройти. Пригодится.

А осенью того же года, точнее 16 октября, он был тяжело ранен и только чудом избежал гибели.

Я хорошо помню, что совсем не спал в ту ночь. Меня мучили жуткие боли в спине и пояснице. Утром, злой и измученный, пришел на работу. Звонок из Кабула: «Руслан в очень плохом состоянии, возможно, в критическом. Пуля пробила печень, задела другие жизненно важные органы. Его прооперировали, пока находится в медсанбате в Баграме». Вот так... Неужели связь между нами была такой сильной, что его боль эхом отдалась во мне?

Придя в себя, я немедленно сел за телефон: звонки в ЦК партии, ЦК комсомола, знакомым генералам в Минобороны, звонки друзьям. Следовало сделать все, чтобы спасти брата и друга. И каждый раз на том конце провода собеседник, услышав от меня тяжелую весть, тоже впадал в ступор, так все любили Руслана.

Но машина уже завертелась. Уже Иосиф Кобзон брал билеты на ближайший авиарейс в Кабул, уже с самого верха звонили в штаб 40-й армии с категорическими приказами: приложить все усилия. Через пару дней отлегло: я дозвонился до кабульского госпиталя, куда был доставлен Руслан, услышал его голос. «Все нормально, — сказал он так, словно не было никакого смертельного ранения, и добавил: — Ты позвони моим в Грозный, пусть не волнуются».

Вскоре я принес в редакцию свой очерк об Аушеве: там было все: и о ранении, и об Ингушетии, и про нашу дружбу. Одна беда: материал получился таким большим, что занимал целую газетную страницу, или, как у нас говорят, «полосу», — а «Комсомолка», напомним, выходила тогда только на четырех страницах, и полосные публикации если и случались, то крайне редко. Я отдал свой очерк главному редактору Геннадию Селезневу, будущему спикеру Госдумы. Он перезвонил почти сразу: «Ставим в номер. Без сокращений».

Но это было не все, теперь требовалось получить разрешение военной цензуры. Долгие годы цензоры, подчиняясь директивам Генштаба, люто вычеркивали из любых статей все подробности об афганской войне. Теперь, правда, было легче, шел 1986 год. Горбачев, перестройка, задули иные ветры, и все же... Удивительное дело, но спустя час я получил свой очерк от цензора и на уже сверстанной полосе увидел всего три незначительные поправки. Вот она, эта полоса, я и сегодня ее храню, и вот эти сделанные красной ручкой поправки, а в правом верхнем углу сиреневый казенный штамп: «Против опубликования сведений военного характера с учетом наших замечаний возражений нет», и подпись: военный цензор Колесников. Видно, порядочным человеком

оказался этот неведомый мне Колесников. Или так тронула его история Руслана Аушева.

Назавтра я проснулся знаменитым. Публикация в «КП» под заголовком «Он вернется!» вызвала такой шквал звонков, писем, откликов, какого в моей биографии больше не было и уже никогда не будет. Письма в редакцию — с благодарностью в адрес автора, с пожеланиями скорейшего выздоровления в адрес Героя, с признаниями ему в любви, с сообщениями, что отныне Руслан зачислен почетным членом трудовых коллективов, что его именем названы школы, что его приглашают в гости, — эти письма тысячами шли в редакцию. Бумажные мешки с письмами загромождали всю комнату. Представляю, как ненавидели меня сотрудники отдела писем: ведь по существующему тогда порядку каждое послание в редакцию следовало регистрировать, завести на него специальную карточку. А тут их многие тысячи.

Более того, со Старой площади поступило указание перепечатать очерк во всех республиканских, краевых и областных газетах.

Тот самый номер «КП» с публикацией о моем друге и визой цензора. Небывалый случай в истории печати: этот очерк перепечатали все республиканские, краевые и областные газеты. Вот какая слава была тогда у Руслана Аушева

Я не помню, чтобы такое случилось в нашей печати, и прекрасно сознаю, что дело не в моем старании, хотя я старался, а дело в личности Руслана Аушева и в очевидной мудрости партийных инстанций, понимавших, что на этом примере надо воспитывать своих граждан, и прежде всего подрастающее поколение.

Отгуляв положенный по ранению внеочередной отпуск, мой друг опять вернулся к месту службы — в Афганистан. Он дотянул и эту вторую командировку до конца и только осенью 1987 года опять приступил к мирной жизни. И снова поступил не как все. Когда в военном ведомстве принимавший его крупный генерал спросил, где бы Аушев хотел продолжить службу, тот ответил: «Если можно — на Дальнем Востоке». Генерал даже прослезился: «Ну, сынок, ты настоящий офицер! Вот бы все так». Он был убежден, что теперь, после пяти лет Афганистана, после тяжелого ранения, обретя всесоюзную любовь и славу, этот подполковник уж точно попросится на какое-нибудь теплое местечко, и будет прав: заслужил. А тут такое дело...

Однако в кадрах Аушеву сказали, что вакантной должности командира полка в частях Дальневосточного округа сейчас нет, а есть в глухом, самом захолустном гарнизоне Забайкальского округа. Руслан, подумав секунду, согласился: еду — и поехал. Но тут в дело вступились его друзья — об этом ниже рассказано в нашей книге. И в итоге он оказался-таки на Дальнем Востоке, в Уссурийске, принял под командование мотострелковый полк и очень скоро вывел его в число передовых по большинству показателей.

Через два года, когда в стране начались первые демократические выборы, дальневосточники выдвинули Руслана Аушева своим кандидатом в народные депутаты СССР. Он стал членом Комитета Верховного Совета по делам военнослужащих, а в 1991-м возглавил Комитет ветеранов афганской войны. Я хочу здесь особо отметить, что это, пожалуй, единственная ветеранская структура бывших «афганцев», которая за все годы своего существования не была замешана ни в одном скандале: она не занималась предпринимательской деятельностью, не имела льгот, ее представителей никогда не подозревали в аферах, криминале, теневом бизнесе и прочих грехах. Зато завоевала устойчиво высокий авторитет среди всех «афганцев» СНГ, потому что всегда занималась реальной помощью и сделала много полезного для ветеранов.

И все время — где бы он ни был, какие бы должности ни занимал — мы были неразлучны. Если далеко — писали друг другу

письма или обменивались звонками, если близко — встречались едва ли не каждый день.

В воскресенье, 18 августа 1991 года, он приехал ко мне в гости. Долго сидели вдвоем на кухне, разговаривали о жизни. Жизнь тогда была бурная: горбачевская перестройка явно заблудилась, партия уже ничем не руководила, на окраинах империи то тут, то там вспыхивали кровавые столкновения.

Я тогда холостяковал: жена и дочка уехали отдыхать на Валдай. Уже за полночь вышли из-за стола. Руслан остался ночевать у меня, я ему постелил на диване в гостиной. Спозаранку в понедельник он меня разбудил:

— Слушай, там по телевизору что-то непонятное говорят. Иди послушай.

Он по своей офицерской привычке всегда вставал ни свет ни заря, а я любил поспать. Но что делать, пришлось встать.

У нас Руслан всегда чувствовал себя как у себя в родном доме

По телевизору показывали балет «Лебединое озеро».

— Ну и что? — не понял я. — Балет. Может, умер кто-то из этих. — Я показал пальцем в потолок.

— Нет-нет, ты подожди. Сейчас диктор появится. Там что-то явно случилось.

И действительно, вскоре на экране появилась встревоженная дикторша и мертвым голосом стала читать указы ГКЧП.

— Это что?

— Это все, — сказал я. — Сливай воду. Горбачеву крышка. Военный переворот.

В полной тишине мы выпили чай, вместе вышли на улицу. Перед тем как расстаться, он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Только я тебя прошу — не делай резких движений.

Но все резкие движения уже сделали до нас. Горбачева изолировали в Форосе, в Москву ввели танки. Всю полноту власти взяли на себя мутные люди, из которых только два-три человека могли считаться сильными политиками. Через три дня, когда все кончилось, процесс развала страны и прежней жизни принял уже необратимый характер.

Как раз в то время я предложил Руслану довольно авантюрный план похода в Афганистан — к полевым командирам моджахедов, чтобы договориться с ними об освобождении наших военнопленных. Сороковая армия давно, еще два года назад, покинула Афган, но пленные — а их, по нашим оценкам, было человек пятнадцать — двадцать — все еще оставались заложниками той войны. Посредниками в переговорах с моджахедами согласились выступить два моих новых друга, британские журналисты Рори Пек и Питер Джувенал, которые всю войну провели по другую сторону линии фронта, то есть с «духами».

Предполагалось, что мы пересечем госграницу в районе высокогорного памирского поселка Ишкашим, на сопредельной территории нас встретят представители самого известного афганского партизана Ахмад-Шаха Масуда и сопроводят группу к месту ведения переговоров. Руслан сразу сказал: «Я тоже иду с вами».

Честно сказать, мне это не понравилось. Он был уже известным политиком, депутатом, а тут надо было фактически нелегально (или незаконно) пересечь границу суверенного государства, много дней идти по территории, контролируемой различными моджахедскими группировками, и в итоге вступить в переговоры с человеком, который долгие годы был главным врагом нашей армии. Кстати, это

люди Масуда ранили Руслана в 1986-м на перевале Саланг. И Масуд прежде еще никогда не вступал в прямой контакт с советскими, не без оснований опасаясь за свою жизнь.

Зато британец Рори Пек сразу пришел в восторг. «Фэнтэстик!» — только и сказал он, узнав о желании Аушева идти вместе с нами.

В начале октября мы передали члену Президентского совета А.Н. Яковлеву записку, подписанную Русланом и мной. В ней содержалась информация по поводу военнопленных, оставшихся в Афганистане, а также наши предложения по их вызволению и, в частности, вариант визита к моджахедам.

Яковлев довольно оперативно рассмотрел нашу бумагу и со своей одобрительной резолюцией направил ее президенту. Бюрократическая машина завертелась. 10 октября М.С. Горбачев, начертав на письме «Прошу внести предложения», разослал его министру иностранных дел Панкину, в военное ведомство маршалу Шапошникову и председателю КГБ Бакатину. Мы вдвоем с Русланом немедленно отправились по этим инстанциям: следовало рыхлить почву и держать ситуацию под контролем.

В МИДе, у военных и пограничников все прошло гладко, там не стали чинить препятствий, пообещав поддержать нашу инициативу. Отлично! Но вот с чекистами пришлось поработать. Афганистан считался их вотчиной, они привыкли быть там хозяевами и не любили, когда кто-то покушался на эту монополию.

В Ясенева, где располагается штаб внешней разведки, нас приняли два больших генерала. И началось! Первым делом мы выслушали слова, которые всегда в подобных ситуациях произносили вымуштрованные советские чиновники: «А кто будет отвечать, если с вами что-нибудь случится?» Примерно час мы с Аушевым убеждали генералов, что им не придется нести за нас ответственность. Но тут один из них, заместитель начальника главка, вдруг произносит такой текст:

— Мы посовещались и решили довести до Михаила Сергеевича Горбачева всю степень опасности и ненужности этого предприятия. Мы уверены в том, что Масуд не пойдет с вами на контакт и вся ваша миссия будет обречена на провал.

В переводе с иезуитского языка высших чиновников это означало следующее: не лезьте не в свое дело. Если уж у нас не получилось, то у вас и подавно не получится. А если у вас получится, то зачем тогда мы?

Ну вот... Мне показалось, что сейчас все наши усилия пойдут прахом. Эту стену не пробить. Я с надеждой посмотрел на Руслана: давай же, спасай ситуацию! Он отреагировал правильно:

— А вы знаете, Михаил Сергеевич имеет другое мнение. Он в разговоре со мной активно поддержал наш проект и фактически выступил его патроном.

Вот что значит поднатореть в коридорах власти!

— Да?.. — На лице генерала отразилась сложная гамма чувств. Это был удар прямо в солнечное сплетение. Конечно, может, Аушев и блефует, говоря о поддержке президента. А вдруг не врет? К тому же и министр иностранных дел Панкин уже поддержал, и министр обороны Шапошников, и командующий погранвойсками Калининченко. Да-а, ситуация...

Генералы обменялись короткими взглядами и, видимо, решили, что пора переходить к запасному варианту.

— Возможно, это и следует поддержать, но мы твердо уверены в том, что Аушеву участвовать нецелесообразно, — сказал старший. — Это свое мнение мы доложим наверх.

— Представляете, какой поднимется шум, если его захватят в заложники! — поддакнул второй чекист. — Какой это будет удар по престижу нашей страны!

Руслан недоуменно пожал плечами, понимая, что нам предлагают компромисс. Торг. Или он отказывается от своего участия, или весь этот план будет зарублен на корню.

Теперь уже мы перебросились взглядами: что будем делать? Я чуть заметно кивнул: надо соглашаться. Заманчиво, конечно, было отправиться к «духам» вместе, но ничего не поделаешь... Следовало спасать ситуацию.

— Хорошо, — наконец сказал Руслан. — Мы возвращаемся к первоначальному замыслу, когда планировалось, что пойдут три человека — британцы и Снегирев. Я надеюсь, других возражений не будет? — Он поднялся и протянул руку для прощального рукопожатия.

— Ну что вы, Руслан Султанович! — вдруг обиделся хозяин кабинета. — У нас так не принято. А по рюмке коньяку? Давайте, давайте.

— За успех вашего безнадежного дела, — неудачно пошутил второй генерал.

— За успех нашего общего благородного дела, — поднял свой сосуд Аушев, — и за вашу активную поддержку.

Эпизод того памятного похода в Афганистан за пленными. Без активного участия Аушева он был бы невозможен

— Ну, ну, — хмыкнул хозяин кабинета. — Посмотрим...

А в конце декабря того же года зимней вьюжной ночью Руслан встречал нашу маленькую группу прямо на поле аэропорта Внуково. После почти месячного путешествия — с приключениями, риском, контактами с пленными и успешными переговорами с Масудом — мы благополучно вернулись из Афганистана, и та акция стала первой в цепи многих других — по розыску и освобождению пленных, выявлению судеб без вести пропавших. Эта работа на долгие годы стала одним из основных направлений в деятельности возглавляемой Аушевым организации афганских ветеранов.

Руслан тогда подъехал на своей депутатской «Волге» прямо к трапу приземлившегося из Душанбе самолета. Мой друг выглядел взволнованным.

— Я бы представил вас к самым высоким наградам, — сказал он. — Но нет Союза, нет и наград.

Да, уходили мы через границу в Афганистан из СССР, а спустя месяц вернулись совсем в другое государство.

Тогда же, в конце декабря 1991 года, Руслан приехал ко мне в редакцию газеты, где я работал, и с загадочным видом спросил:

— А почему никто не встает, когда в комнату входит генерал?

— Генерал? — не понял я. — А кто здесь генерал?

Он достал из кармана бумагу — это была копия одного из последних указов Президента СССР М.С. Горбачева, — там говорилось о присвоении Аушеву Руслану Султановичу звания генерал-майора.

Ну что тут говорить... Мигом собрали всех друзей, и начался пир... Главный редактор газеты, услышав про форменное безобразие на вверенной ему территории, спустился к нам со своего пятого этажа на второй, но, увидев Руслана, сразу понял, что лучше будет не возникать, а присоединиться, и правильно сделал.

В 1993 году Руслана его земляки уговорили возглавить Ингушетию. Он долго сомневался, понимая, какая это нелегкая ноша, какую огромную ответственность ему придется взвалить на свои плечи. Только что закончился вооруженный конфликт с соседями — осетинами, только что Ингушетия получила статус субъекта Федерации. Назрань — еще вчера типичное большое село, а сегодня столица республики — была наводнена беженцами, а рядом уже вовсю разгоралась следующая война — в Чечне... Согласиться — значит обречь себя на бессонные ночи, на бесконечное решение всяких разных проблем — экономических, социальных, политических, человеческих, военных... Приехав тогда в Назрань, я ужаснулся: дорог нет, по улицам бродят коровы и куры, работы нет, все разрушено, запущено, беженцы, горе, безнадега...

Руслан советовался: справится ли он со всем этим? Я честно ему отвечал: не знаю, я бы не смог. Однако я уже хорошо понимал к тому времени, что все равно решение он примет сам. Советуй — не советуй.

Когда он уезжал, я зашел к нему попрощаться. Сели друг против друга. Говорю ему:

— Ну, все, брат, на этом наша дружба, скорее всего, закончится.

— Почему? — Он даже привстал от удивления.

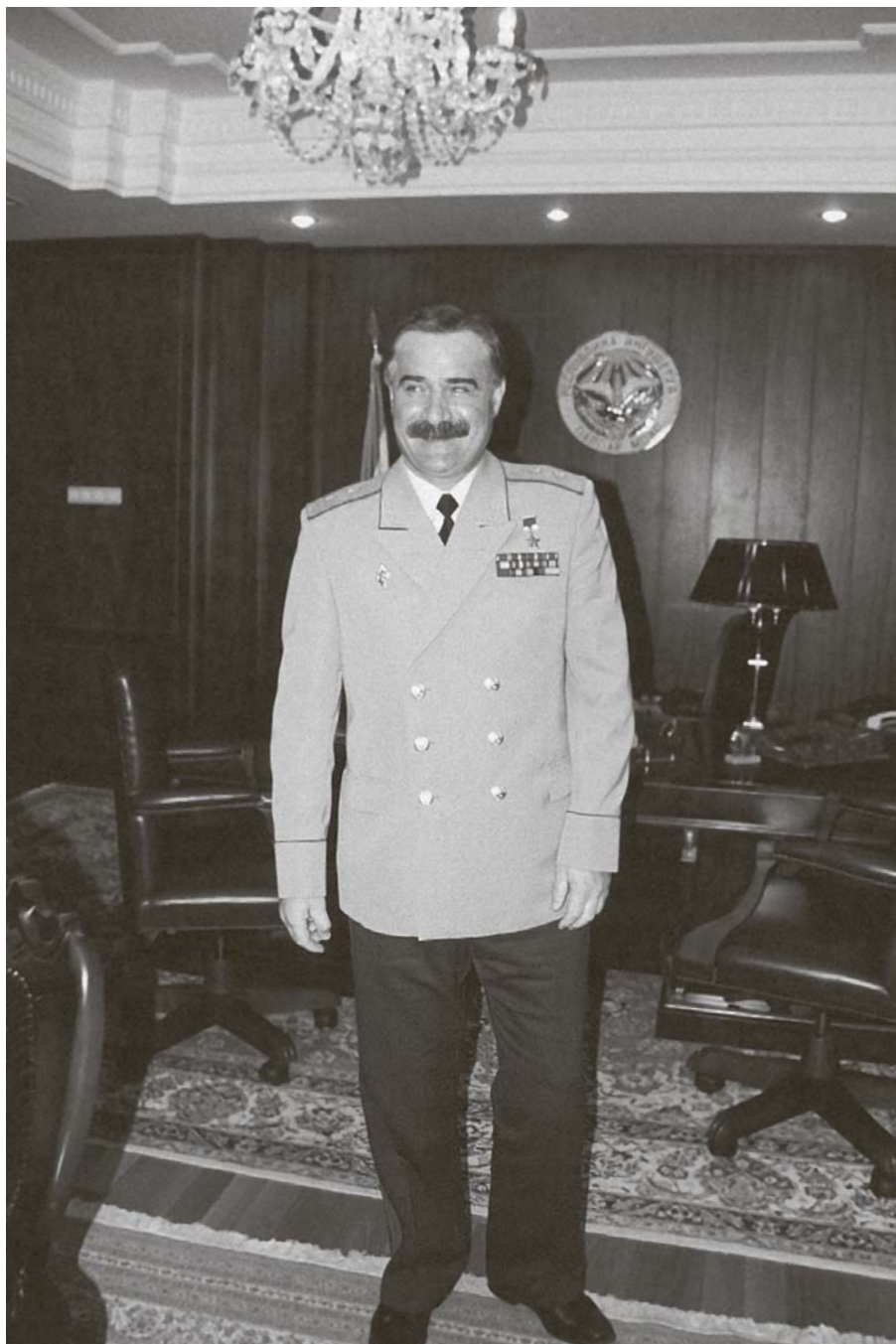
— Да потому что чудес не бывает. Ты теперь — президент, человек, облеченный властью, а власть меняет людей. Хочешь ты этого или нет, а все равно отныне станешь другим, и привычки станут другими, и друзья... Все станет теперь иначе.

Когда он выходил в круг и давал свою зажигательную лезгинку, то самые тертые из нашей компании изумленно переглядывались: ух ты! Прежде мы такого не видели

Беслан Кориков многие годы был его самым близким другом. Они вместе выросли

Первый президент Республики Ингушетия

— Володя, ты чего? Разве ты меня не знаешь? Не говори так! — Никогда раньше я не видел Руслана столь огорченным.

Всем нам хочется верить только в хорошее, и он верил, и я. Не всегда эта вера совпадает с реалиями повседневной жизни. Но здесь — должен это признать — я ошибся.

А дальше... Были долгие и трудные годы президентства. Членства в Совете Федерации. Причастности к властным элитам. Строительства — с нуля — своей Ингушетии.

Сказать, что он остался прежним, я не могу. Все-таки власть действительно делает людей другими — исключений нет. Но наша дружба сохранилась, и я регулярно наезжал в Назрань, с удовольствием отмечая, как меняется эта еще вчера унылая российская провинция. И он, бывая в Москве, не забывал или позвонить, или встретиться.

Честно сказать, когда в 2001 году Руслан добровольно сложил с себя полномочия главы республики, а заодно членства в верхней палате нашего парламента, я вздохнул с облегчением. С одной стороны, мне было, конечно, жаль, что из активной политики уходит опытный, честный и компетентный человек. Но... к тому времени ситуация в верхних эшелонах власти стала совсем другой, чем в романтические годы поздней перестройки и раннего Ельцина. Аушев — с его гордым и независимым характером, с его принципиальностью и верностью таким понятиям, как честь, порядочность, неподкупность, с его категорическим неумением и нежеланием лизать начальственные задницы, говорить одно, а думать другое, с его героическим прошлым, — нет, он явно не вписывался в эту новую реальность.

Хотя, повторяю, было и очень жаль: человеку еще и пятидесяти не исполнилось, а он оказался за бортом. Иногда до меня доходили слухи о том, что в Кремле готовы принять гордеца, ему надо только прийти и смиренно склонить голову, и дадут какую-нибудь должность: министра, полпреда, что-то еще. Но вы можете себе представить Аушева, выпрашивающего должность? Нет. Вот и я не могу.

Зато все эти годы он по-прежнему возглавлял Комитет по делам воинов-интернационалистов, став настоящим лидером, главным авторитетом для всех прошедших афганскую войну.

В этом предисловии я всего лишь коротко описал историю нашей дружбы. Но жизнь Руслана Аушева — Героя Советского Союза,

первого президента независимой Ингушетии, сенатора, бессменного руководителя самой влиятельной в СНГ ветеранской организации, отца четверых детей — эта жизнь вместила в себя и много другого. Героического и грустного, поучительного и смешного...

Все эти тридцать с лишним лет, что мы вместе, я делал записи — наши разговоры, впечатления от наших встреч, рассказы о нем других людей. Они и легли в основу книги, которую вы сейчас держите в своих руках.

Возможно, кто-то, прочитав, скажет, что автор и друзья Героя уж слишком субъективны, в их рассказах Руслан Аушев — персонаж, лишенный недостатков. Ну да. Так и есть. А как еще можно было написать о человеке, которого все мы беззаветно любим.

НАЧАЛО

«СУЛТАН
ЮСУПОВИЧ
НЕ МАСТЕР
ГОВОРИТЬ
ГРОМКИЕ СЛОВА,
НО ИМЕННО ОН
ВОСПИТАЛ СВОИХ
СЫНОВЕЙ
ВОИНАМИ»

Ты ведь знаешь, что в истории нашего народа был очень черный период, связанный со сталинской депортацией ингушей. В 1944 году всех силком выселили из своих домов, согнали в вагоны и повезли в Казахстан. Даже тех, кто сражался с немцами на фронте, тоже отозва-

Мама. Тамара Исултановна Аушева

ли и отправили в ссылку. Были, конечно, исключения, но совсем редко. Об одном я скажу ниже.

Мои будущие родители, тогда совсем молодые, оказались в Кокчетавской области. Жили на зонах, где был очень жесткий режим. Существовал комендантский час. Все должны были регулярно отмечаться в комендатуре. Голод, холод. Многие тогда умерли, не выдержав лишений.

Рядом с нашим поселком был ток, где мама работала. И чтобы своих близких спасти от смерти, она выносила оттуда по несколько горстей зерна. А как она это делала? Прячала в бюстгальтере. Однажды часовой-энкавэдэшник, заподозрив неладное, говорит маме: «Тамара, что-то у тебя груди выросли. Ну-ка, дай я пощупаю». И потянулся к ней рукой. Она ему как даст наотмашь по физиономии. И пошла дальше.

Дома она зерно разжевывала и кормила этой смесью своих родных. Так и выжили.

Старшая дочь
Руслана Лейла

Из реферата Лейлы Аюшевой, ученицы 11-го класса школы-лицея г. Назрани, «Героическая судьба моего отца как отражение судьбы ингушского народа» (2001 год)

«Бабушка и дедушка поделились со мной воспоминаниями о детских и юношеских годах моего отца. Папа родился в селе Володарское Кокчетавской области Казахстана в 1954 году. Семья была большой, пять человек детей. Мой дед Султан Юсупович не мастер говорить громкие слова, но именно он воспитал своих сыновей воинами. Детей он никогда не баловал, с малых лет приучал их к труду, к честности и здесь всегда находил общий язык с бабушкой. В одном, правда, они иногда расходились: дед очень хотел, чтобы его сыновья активно занимались спортом.

В семье между братьями часто возникали споры. Дедушка при этом присутствовал, но редко когда вмешивался. Он давал ребятам возможность разобраться самим.

Но бывали моменты, когда ему все же приходилось вмешиваться. Например, это произошло, когда мой папа впервые пошел в школу. Ему было тогда всего пять лет, и учителя, узнав об этом, отказались его зачислять. Но брат Адам — он старше на год — уже стал учеником, а папа ни в чем не хотел ему уступать. Пришлось дедушке вмешать-

ся в этот конфликт. Он уговорил директора, и папу тоже приняли в первый класс. Так они с братом и учились все школьные годы вместе, сидели за одной партой».

РР После смерти Сталина ингушам разрешили вернуться к родным очагам. Мы тоже поселились в Грозном. Однако в середине 60-х отец согласился опять уехать в Казахстан, там жил его друг, который пригласил его в Алма-Ату на должность заместителя начальника автотранспортного предприятия. Мы приехали, я, кстати, там стал играть в футбол, и довольно хорошо это у меня получалось. А отец свою работу в автохозяйстве совмещал с писательством. По вечерам писал на ингушском повести и романы. Вот для тебя это сюрприз! Знаешь почему? Отец никогда не кичился своим увлечением, хотя состоял в Союзе писателей, его книги выходили в Грозном.

Я тебе расскажу про одну повесть – она называлась «Сбереженное счастье». Про водителя. Я ее помню почти наизусть. А почему? Сейчас поймешь.

Отец писал от руки, а в издательство книгу надлежало сдать в машинописном виде. И вот я решил ему помочь. У нас дома была старая пишущая машинка. Вечером, когда все ложились спать, я принимался за работу. Заправлял в машинку пять листов, прокладывал их копировальной бумагой и одним пальцем стучал. Почему пять листов? Потому что издательство требовало пять экземпляров.

Это была адова работа для одиннадцатилетнего мальчишки. Русская клавиатура. Ингушский язык. Одним пальцем... и вот наконец наступил тот день, вернее, глубокая ночь, почти утро, когда вся работа была закончена. В полном изнеможении я вынул из каретки последнюю, девяносто девятую страницу и тут же уснул, уронив голову на стол.

Когда утром я с понятной гордостью стал вручать свой труд отцу, то выяснилось, что всякий раз я заправлял копирку другой стороной. То есть отпечатал книгу всего в одном экземпляре.

От отчаяния я тогда заплакал.

* * *

Когда я стал Героем и меня все время приглашали выступить, то пионеры в школах часто просили: «Расскажите, каким вы были в детстве?» А каким я был в детстве? Надо у мамы спросить. Спросил. Она

Так тогда выглядел город Грозный

Отец. Султан Юсупович
Аушев

задумалась. Потом говорит: «Ты до четырех лет бегал за мной с табуреткой. Ставил ее, усаживал меня и пил молоко из груди. Вот потому и вырос таким».

Интересная деталь. Но только как ее пионерам рассказывать?

* * *

А хочешь расскажу, как меня из школы исключали?

Город Грозный, 1961 год. Школа наша находилась рядом с железной дорогой. Чтобы ее как-то отгородить, решили между школой и рельсами посадить деревья. Выкопали ямы, а мы их использовали для своих игр: кидали оттуда камни по проходившим мимо поездам. И вот однажды только я замахнулся, чтобы бросить камень, меня за ухо кто-то хватя. «Ага, попался, хулиган» – и к директору тащат, к Михаилу Митрофановичу. Он был фронтовик и после ранения слегка косил одним глазом.

Короче, прихожу я в тот день домой и объявляю: «Мама, меня выгнали». Она: «Кто?» – «Директор». Мать побежала в школу, входит к директору: «Ты, косой черт, что себе позволяешь? Я сейчас своих братьев позову, они живо тебе расскажут, как детей обижать».

Но фронтовик был не из пугливых, мать ни с чем ушла. Тогда отец подключился. Он был директором автотранспортного предприятия, которое шефствовало над школой. Короче, велено мне было вместе с классной руководительницей Ольгой Ивановной явиться к директору. Заходим. Видим, что Михаил Митрофанович и отец мирно пьют коньяк. Директор: «Ольга Ивановна, ну что вы можете сказать про Руслана Аушева?» – «Он самый прилежный в классе, – говорит она, – и самый дисциплинированный».

После чего я опять стал учеником. Три дня пробыл исключенным.

Кстати, младшего, Борьку, тоже исключали. Это было, когда мы с Адамом уже были курсантами. Как-то отец приехал и рассказал эту историю.

Рядом со школой, где Борис учился, был кинотеатр «Радуга». И вот повадились они всем классом туда сбегать во время уроков. Отец, узнав об этом, страшно разгневался. Он положил перед братом белый лист: «Пиши заявление директору школы о том, что больше не хочешь учиться».

И следующие полгода Борис разгружал ящики на овощной базе. Пока отец не остыл.

* * *

1967 год. Я ученик седьмого класса в алма-атинской средней школе. Приближается большой праздник – 50-летие Великой Октябрьской революции. Каждому классу велено принять самое активное участие в торжественном праздничном вечере. По задумке учителей все выступления должны отражать идею дружбы разных народов, населяющих Советский Союз. Моему классу достается Грузия. Учительница говорит: «Так. Все учим песню про Тбилиси, а ты, Руслан, исполнишь лезгинку». На мое робкое «Почему я» – ноль внимания.

Ну что делать... Дали мне черкеску, а вот сапожек нигде не нашли. «Ничего, – сказала учительница, – в кедах станцуешь».

Выхожу на сцену. Лезгинка! Делаю один круг. В зале раздается жуткий хохот. Второй. Опять смеются так, словно я фокусы показываю. Что такое? А как раз в те дни все с ума сходили по фильму «Кавказская пленница». Помнишь там Никулина в кедах? Так вот зрители решили, что я был очень на него похож.

* * *

Из увлечений детских лет самым главным был футбол. Любовь к футболу я пронес через всю жизнь. Меня буквально завораживала эта игра. Быстро бегать. Быстро думать. Быстро реагировать. А каждый забитый в сетку мяч вызывал просто бурю положительных эмоций.

Наш дом в Алма-Ате был по соседству с тренировочной базой местной команды «Кайрат», и я с ранних лет мог вблизи видеть своих кумиров, а затем и тренироваться рядом с ними. Причем у меня получалось это неплохо. Потому что тренер «Кайрата» Александр Иванович Келлер как-то сказал: «Давай старайся. Я тебя осенью в дубль возьму».

Но, увы, мы потом вернулись в Грозный, и о дубле пришлось забыть. Кстати, в Грозном один из уличных матчей закончился для меня плачевно: перелом ноги, гипс.

Футбол оставался со мной всю жизнь. В Афганистане играли – и в расположении полка, и в ущельях, в передышках между боями. Когда служил в Уссурийске, каждое утро выходил на поле, и став президентом – тоже.

* * *

Мой дед по отцу до войны работал председателем колхоза и, судя по рассказам, которые я слышал, был абсолютно неподкупным, чест-

ным, одним словом – правильным человеком. Своего старшего сына, то есть моего дядю, он отправил на фронт, когда тому едва исполнилось шестнадцать лет, и тот исправно тянул солдатскую лямку всю войну. Уже после победы он приехал в Казахстан, куда были депортированы ингуши. Боевой, с орденами и медалями на гимнастерке, а тут видит – родственники с голоду пухнут.

Дядя недолго думая пошел на ток, набрал там зерна, вернулся: «Вот, давайте хлеб печь. Лепешки мои любимые». Тут же на него донесли «куда следует», и загредел фронтовик в тюрьму. За кражу социалистической собственности.

Отец занимал руководящую должность – он был директором пассажирского автотранспортного предприятия. Иначе говоря, автобусного парка, который обслуживал и городские, и междугородние маршруты. У него тоже была репутация неподкупного, честного человека.

А ты понимаешь, что это значило в наших краях...

Однажды был такой случай. Мальчишкой я спал летом в нашем дворе, под виноградной лозой. Как-то под утро слышу стук в дверь. Выглянул из-под одеяла: вижу – входит чеченец средних лет. Отец командует: «Тамара, угости гостя чаем». Сели они за стол. Чеченец стал жаловаться: работает водителем автобуса на городских маршрутах, в семье одиннадцать детей, зарплаты катастрофически не хватает – и в конце просит перевести его на междугородные перевозки. Ну, поговорили они вот так, потом гость стал прощаться, а уходя, как бы невзначай, оставил на столе газету, внутри – это я из своего укрытия заметил – были пачки красных десятирублевков.

Но он еще и двух шагов не сделал, как отец крикнул:

– Стой!

Тот в испуге остановился. Отец сунул ему газету с деньгами и опять крикнул:

– А теперь – марш отсюда! Чтобы духу твоего не было!

Незнакомец был уже у порога, когда отец опять его остановил:

– Завтра придешь ко мне на работу.

Уже потом я узнал, что чеченец пытался обогатить нас на десять тысяч рублей – по тем временам две машины «Волга» – и что эти деньги – взятку – он собрал по родственникам. Отец, вызвав его к себе в кабинет, велел деньги вернуть родне.

– Я переведу тебя на межгород, – сказал он этому водителю. – Но если узнаю, что сам занимаешься поборами или даешь взятки кому-нибудь, то выгоню сразу.

Начальником военного училища в Орджоникидзе был Виктор Андреевич Ульянов. Звание Героя он получил в 19 лет, будучи сержантом, командиром артиллерийского орудия. Было с кого брать пример...

* * *

С Адамом, который старше меня на год, мы были неразлучны с первого класса. Вместе учились, сидели за одной партой. У меня отметки были лучше, но вожаком был он. Все-таки старший.

И вот последний класс, надо решать – что дальше? Адам всегда мечтал о службе в милиции. Бредил засадами, погонями, расследованиями. Я же хотел стать конструктором летательных аппаратов и, еще будучи школьником, написал письмо в Московский авиационный институт с просьбой выслать условия приема. Мне их прислали. Но это мы так хотели. У отца же были на нас другие виды.

Когда мы получили свои аттестаты зрелости, он нас пригласил:

- Ну, рассказывайте, какие планы. Кто куда?
- Я хочу учиться в системе МВД, – говорит Адам.
- А я подам документы для поступления в МАИ.
- Интересные у вас планы, – говорит отец, – и то и другое полезно. Но мой вам совет – идите в Вооруженные силы. Это единственная структура, где вы сохраните честь и достоинство. Там не берут взяток и там воспитывают настоящих мужчин.

Мама, услышав этот разговор, заволновалась:

- Ты зачем их в армию хочешь отдать? Пусть учиться идут.

Редкий снимок: все четыре брата и родители. В нижнем ряду: Тамара Исултановна, Султан Юсупович, самый старший брат, Магомед. В верхнем: Руслан, Адам, Борис

– Успокойся, они и пойдут учиться – только военному делу. Офицерами станут.

Утром он вызвал свою служебную машину и повез нас в Орджоникидзе, в Высшее общевоинское командное училище.

Не знаю, что при этом испытывал Адам, это ты у него спроси, я же, увидев еще на подъезде сквозь прутья забора ухоженное футбольное поле, сказал: «Я буду здесь учиться. Мне нравится».

Все-таки футбол – великая сила.

Мы благополучно сдали вступительные экзамены и стали курсантами этого прославленного училища. Были зачислены во 2-й взвод 6-й роты. То есть опять оказались вместе – еще на четыре года. Правда, там была ситуация, когда мы могли разлучиться: у меня не сложились отношения с командиром роты, нагрубил ему и был отчислен посреди первого года занятий. Пришлось опять отцу улаживать и этот конфликт.

Зато Адам чувствовал себя как рыба в воде. Он приглянулся командиру батальона полковнику Приходько, сам стал командиром отделения, командовал всеми, в том числе и мной.

– Курсант Аушев! – зычным голосом приказывал Адам. – Поручаю вам навести порядок в казарме.

– Есть! – бодро отвечал я и – бегом от него на футбольное поле.
– Курсант Аушев, вернитесь, или объявлю вам три наряда вне очереди, – кричал вдогонку Адам.

Честно сказать, я был тогда разгильдяем. Слабо представлял, что такое настоящая армейская служба. Понимание пришло позже – уже после выпуска. Кстати сказать, подавляющее большинство выпускников Орджоникидзевского ВОКУ отправились в самые элитные части – в ГДР, Венгрию, Польшу, Чехословакию – такая высокая репутация была у этого учебного заведения. Но мы с Адамом предпочли остаться поближе к дому, распределившись в учебную дивизию, расквартированную в Грозном. И опять были вместе – в одном батальоне, только в разных ротах. И лишь спустя год Адам уехал в Забайкальский военный округ, он почему-то был твердо убежден, что грядет война с Китаем, и решил быть поближе к будущему театру военных действий.

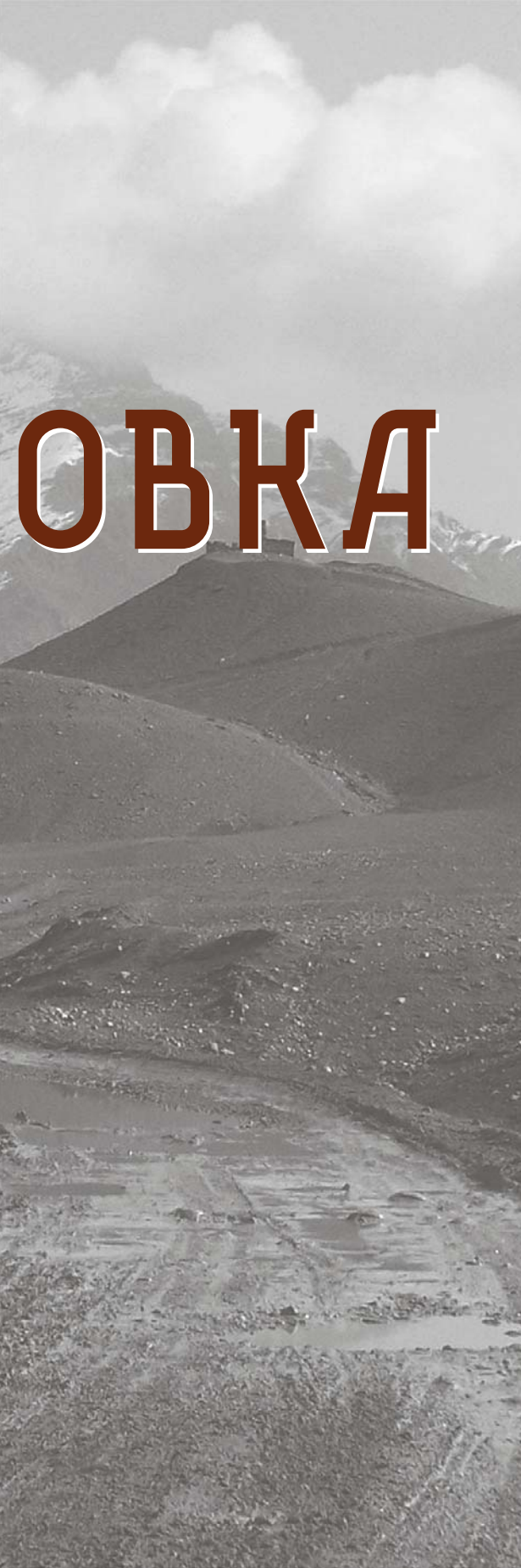
Мы выпустились в 1975-м, а младший брат Борис в том же году поступил в ВОКУ, то есть пошел по нашим стопам.

Я же отслужил рядом с домом четыре года, до осени 79-го.

КОМАНДИР НА ВОЙНУ

ОВКА

«АФГАНИСТАН
Я ВНАЧАЛЕ
ВОСПРИНЯЛ
КАК ВОЛШЕБНУЮ
СТРАНУ
ИЗ СКАЗОК
“1001 НОЧИ”»

В ноябре меня назначили на майорскую должность – начальником штаба медицинского батальона, который дислоцировался в Новочеркасске. А в декабре вызывает вышестоящий начальник: «Идем в Афганистан. Будешь комендантом эшелона». Эшелон был сборным, части Северо-Кавказского военного округа отрядили своих воинов-интернационалистов, хотя в то время нас еще так никто не называл, это позднее придумали.

По-моему, в начале января прибыли мы в Термез. Никто ничего не знал ни про Афганистан, ни про «апрельскую революцию», ни про войну. Я, например, считал, что нас направляют сражаться с басмачами. А образ этих самых басмачей в моем сознании сформировали художественные фильмы той поры: на лошадях скачут, размахивая саблями, бородатые люди в чалмах. Кстати, в кинотеатрах Термеза тогда вообще крутили фильмы про басмачей.

В этом приграничном городе полным ходом шла замена «партизан» на кадровые воинские структуры. Ведь сначала впопыхах в Афганистан ввели множество резервистов из прилегающих к границе республик Средней Азии, а теперь развертывалась уже нормальная боеспособная 40-я армия. Я с самых первых дней стал просить перевести меня в кадровую мотострелковую часть. Однако полковник, заместитель командира 108-й дивизии, мне говорит:

– Ты сперва введи в Афганистан свой санитарный батальон, а там разберемся.

Ну, приказ есть приказ. Техника наша пошла из Термеза на южные земли, а я с остатками личного состава прибыл в Баграм самолетом. И кстати, в тот же день там приземлился другой самолет, на котором

Так начинался Афганистан. Долгая, почти десятилетняя, война

прилетел подполковник Б.С. Громов – будущий командарм, генерал-полковник, а тогда начальник штаба 108-й дивизии. А прибыл он из Майкопа, где служил командиром полка.

Из Баграма нас перебросили на окраину Кабула, в район, который назывался Хайерхана. Мы его быстро на московский лад переименовали – Теплый Стан. Там поставили палаточный лагерь, стали как-то обживать. Та первая афганская зима была очень суровой: выпал снег, ночью температура опускалась ниже минус двадцати градусов. Так что вначале обустройство отнимало немало сил.

В феврале в Кабуле вспыхнул антиправительственный мятеж. Было такое ощущение, что весь город восстал против новой власти. Из всех мечетей неслись усиленные динамиками призывы идти и убивать «неверных». А мы стоим совершенно незащищенные у склона невысокого горного хребта: палатки, санитарные машины, необстрелянные солдаты. Ну, я поднял всех по тревоге, организовал какую-то оборону. Правда, тогда все обошлось.

И все время бомбардировал начальство рапортами с просьбой направить меня служить в боевые подразделения. «Прошу перевести

Еще не нюхал порошу. Капитан. Начальник штаба медсанбата

на любую должность, вплоть до командира взвода», – умолял я командование, но все было тщетно.

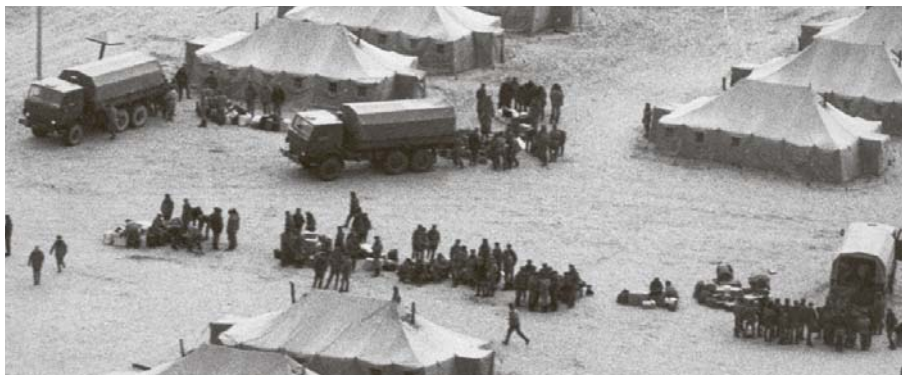
Однажды мне звонят из дивизии:

– У тебя там как с баней? Сможешь организовать помывку комдиву и начальнику штаба?

– Так точно! – отвечаю. – Пусть едут.

А у нас была специальная палатка, приспособленная для таких целей, и была специальная машина, которую мы к палатке подгоняли: она давала и тепло, и воду. Приехали командир дивизии Миронов и начштаба Громов. В банной палатке они разделись, намылились, а тут такая незадача: помывочная машина застряла в глубоком снегу, никак не может доехать до «бани», чтобы дать туда тепло и воду. Командиры голые, в мыльной пене, нервничают: где вода? Машина буксует. Мы все стараемся ее вытолкать из сугроба. Наконец, с великим трудом, практически на руках доставили автомобиль на место, дали горячую воду. Но комдив все равно остался недоволен: «Ух, я этому усатому покажу!»

Я не уговорился, все равно бомбардировал своими рапортами штаб дивизии. Начальником политотдела был тогда Серебров Лев Борисович, он потом стал генералом, членом Военного совета 40-й армии, а впоследствии был депутатом Госдумы. И вот он меня вызывает:

Первые месяцы все жили в палатках. Зимой донимала жуткая стужа, летом стоял страшный зной

- Не хочешь майора получить?
- Я одного хочу: уйти в нормальное боевое подразделение.
- Ну, смотри... Есть у нас одна вакансия – заместителя начальника штаба 2-го батальона. Но эта должность капитанская. Пойдешь?
- Так точно! – говорю. – Готов прямо сейчас.
- Ну, давай, – вздохнул Серебров, – с Богом.

* * *

Афганистан я вначале воспринял как волшебную страну из сказок «1001 ночи». Там все было не так, как в нашей привычной жизни. На фоне чистого голубого неба – заснеженные пики гор. По ночам – низкие яркие звезды мерцают на небосклоне. Таинственные незнакомые звуки и запахи. Буйство красок на восточном базаре. Дома, машины, ослы и верблюды, одежда на людях, еда, мечети, глиняные дувалы – все было непривычно, все возбуждало интерес.

И кстати, относились к нам афганцы в первые дни и недели 1980 года вполне дружелюбно. Но уже в феврале идиллия стала заканчиваться. Сначала, как я уже говорил, вспыхнул мятеж в Кабуле. Поводом стала выходка наших десантников, которые забросали гранатами дуканы, в которых якобы обидели их товарища. В ответ на улицы Кабула вышли сотни тысяч людей, и акция, которая сначала казалась мирной, вскоре превратилась в погромы, зазвучали выстрелы, пролилась кровь.

Ну а дальше как водится: око за око, зуб за зуб.

Испуганный афганский руководитель Бабрак Кармаль, которого чекисты только что усадили на трон в Кабуле, стал умолять Москву, требуя вооруженного вмешательства. Иначе, мол, ему смерть. Внача-

Никогда прежде наша армия не воевала в горах. И тем более – в таких неприступных, как афганские. А какой-то «умник» из Москвы направил в контингент директиву: взорвать все тропы, по которым из Пакистана «духам» доставляются оружие и боеприпасы

ле представители Минобороны в ДРА маршал С.Л. Соколов и генерал армии С.Ф. Ахромеев отказали ему, ссылаясь на то, что задачей «ограниченного контингента» ведение боевых действий внутри страны не предусмотрено. Однако затем из Москвы поступил приказ: «Совместно с вооруженными силами ДРА приступить к разгрому мятежников». И понеслось...

Уже в феврале у нас в дивизии появились первые потери. Погиб командир ремонтного батальона. Он ехал на обычном уазике из Баграма в Кабул и в районе кишлака Мирбачакот попал в засаду. Через несколько дней список потерь пополнился сразу пятью убитыми «партизанами», то есть солдатами, призванными из запаса, они возвращались домой в кузове грузовика и тоже попали под огонь.

Очень скоро почти все поездки по афганским дорогам пришлось совершать только под прикрытием брони.

Войне учились на крови, на потерях.

* * *

В конце зимы я догнал батальон, куда меня направили на должность заместителя начальника штаба. Он в это время был задейство-

ван в первых на той войне рейдовых боевых действиях и находился очень далеко от Кабула, почти в Нуристане, это афганский «медвежий угол» на востоке страны. Задача нам была поставлена такая: пройти рейдом через провинции Нангархар и Кунар, обеспечить деятельность новых органов власти, а при встрече с мятежниками подавить их сопротивление.

Правда, какой-то «умник» из Москвы направил и еще одну директиву: взорвать все горные тропы, по которым из Пакистана «духам» могли доставлять оружие и боеприпасы. Поэтому мы везли тонны взрывчатки и бесконечно подрывали дороги, тропы, перевалы, прекрасно при этом понимая всю абсурдность поставленной задачи. Ну нет в мире столько взрывчатки, чтобы взорвать даже малую часть горных путей, ведущих из Пакистана в Афганистан. Дури много было на афганской войне, особенно на первых порах.

Например, против маленьких, численностью в несколько человек, партизанских отрядов иногда разворачивали целые дивизии. А вы представляете, что это такое – развернуть несколько тысяч человек, да еще с бронетехникой, танками, артиллерией... Пока то да се, моджахедов уже и след простыл, а эта махина все еще выдвигается из мест дислокации. Проку от подобных войсковых операций было мало, зато вред был большой. Техника уродовала поля, артиллерия, случалось, наносила удары по кишлакам. Все это плодило новых врагов.

Из того рейда я вернулся уже, как говорится, обстрелянным. Хорошо помню первое нападение на наш батальон. Мы шли пешком по ущелью – как раз чтобы произвести очередной подрыв, – и вдруг с разных сторон началась пальба. Выстрелы были одиночные, афганцы тогда использовали в основном старые английские винтовки «Бур». Звуки выстрелов отдавались гулким эхом по всему ущелью. Тогда же впервые я услышал свист пуль, характерный мяукающий звук, который издавал свинец от рикошета.

Мне было интересно: кто стреляет, откуда? Но только поднимал голову, как Валера Кукса, комбат, истощенно кричал: «Ложись, дурак, ведь убьют». Тогда не особенно в это верилось: ну что значит убьют?

Ничего еще не знали про войну. Учились на ходу. Как прятаться от пуль, как скрытно подбираться к противнику, как устраивать засады...

Уже где-то спустя месяц, на другой операции в Лагмане, когда батальон попал в засаду, Кукса мне говорит:

– Бери взвод и обойди «духов» с фланга, постарайся зайти им в тыл.

Я взял десяток солдат, пошли. Шел первым, а пацаны мои немного отстали. И вдруг, ты не поверишь, спиной чувствую чей-то чужой взгляд. Поворачиваюсь и вижу буквально метрах в десяти – парень с винтовкой, и он свой «Бур» поднимает, и палец его на спусковом крючке. Но я быстрее среагировал.

Вот так начинался мой первый «Афган».

* * *

Конец 80-го года. Я уже начштаба батальона. Почти год на войне, обстрелянный. Нам поставили задачу выбить «духов» из уезда Алингар, это в провинции Лагман. Информация о большом скоплении противника поступила от афганцев, поэтому и их тоже задействовали в качестве проводников. Я их переодел в нашу форму, и вместе отправились на операцию. Замысел был такой: ночью скрытно выдвигаемся к месту, блокируем весь район, и с восходом солнца, когда они обнаружат наше присутствие и рванут в горы, мы их и встретим как полагается.

Я шел первым вместе с переодетыми афганцами, следом командир взвода Жора Чотбаев (он впоследствии стал командующим национальной гвардии в Киргизии), а дальше основные силы батальона. Продвигались вдоль горной реки, которая протекала по дну ущелья. Темнота вначале была хоть глаз выколи. Но по мере приближения к точке видим: то там, то здесь по склонам гор фонарики перемигиваются – это их посты так сигналы подают.

Фронтовые будни. На снимках справа Жора Чотбаев, тогда лейтенант, а впоследствии генерал, командующий национальной гвардией Киргизии

Вдруг сверху, с крутого склона, камни посыпались. Мои проводники-афганцы: «Душманы! Душманы!» И словно ветром их сдуло. Спрятались где-то. Я тоже решил не искушать судьбу, отскочил назад и укрылся за каким-то кустом. А уже видимость лучше стала, потому что луна вышла. И вот вижу я из своего укрытия, как по склону скользит «дух» в чалме. Перепоясан патронными лентами, в руке винтовка. Причем ясно, что он о нашем присутствии не догадывается.

– У, бача, – призывно говорит «дух», что можно перевести: мол, ты куда запропастился?

Видно, он был в дозоре и сменщика своего поджидал. Услышал нас и принял это за шаги своего сменщика. Что делать? На тропе вот-вот появится Жора, а вслед за ним ребята из его взвода. Поднимется стрельба. Значит, весь наш замысел пойдет насмарку. И противника упустим, и потерь не избежать. Я выскочил из-за куста, одним прыжком оказался рядом с афганцем, ударил его коленом в промежность, а когда он стал оседать, то его же собственной чалмой заткнул ему рот.

А тут и Жора подоспел. Правда, в темноте, желая мне помочь, он съездил кулаком по моему уху. Но это уже пустяки.

Мы так же тихо сняли еще трех часовых и успешно выполнили поставленную задачу.

* * *

Война войной, но случались и забавные истории. Вот примерно тогда же нам приказали выдвинуться в провинцию Логар: там, по данным разведки, была душманская тюрьма, в которой содержались сторонники новой власти. Как обычно, ночью скрытно вышли в район, а с рассветом боем овладели этой тюрьмой. Зампотех Кудин мне говорит: «А можно я туда поднимусь, посмотрю на эту тюрьму?» Давай, жалко, что ли...

Он был обут в кроссовки – в них по горам легче было бегать, чем в сапогах, это мы сразу уяснили. И вот смотрю, Кудин в своих кроссовках потрусил наверх, а потом – бац, соскользнул с камня и в расщелину угодил, а оттуда – испуганный «дух» с винтовкой. Но еще неизвестно, кто больше испугался – этот «дух» или наш офицер. Знаешь, что воскликнул тогда этот Кудин? «Хенде хох!»

Вот объясни мне, отчего он вдруг вспомнил немецкий?

* * *

Год я отслужил в Афганистане. Съездил на родину в отпуск, снова вернулся в свою часть на окраине Кабула. А мои орлы, оказывается, ушли на боевые в ущелье Миттерлам. Батальоном по-прежнему командовал Валера Кукса, а я у него был начштаба. Ну, догнал я своих, вошел в обстановку. Сажу в БМП, слушаю радиопереговоры.

Батальон наш шел по ущелью тремя группами: две по склонам гор, одна прямо по «зеленке», по кишлакам. Задача была обычная – очистить район от «духов». И вдруг мне сообщают: с 6-й ротой пропала связь. Кукса говорит:

– Возьми с собой ребят и разберись, в чем там дело.

Мы пошли цепочкой – одиннадцать солдат, прапорщик, а впереди я. Идем по картофельному полю. Впереди арык журчит, за ним тополя, кусты, хорошее место для засады. Я своим знак подаю: осторожнее, здесь могут быть неприятности. И точно. Слышу, как в кустах, метрах в десяти от нас, затвор клацнул. Такой звук бывает, когда патрон в патронник досылают. Я сначала подумал, что там наши ребята из 6-й роты

отдыхают, но потом вижу, чалма за ветками мелькнула, и слышу звук удара бойка по капсюлю. Осечка!

Е-мое!

– Засада! – кричу.

Мы упали в картофельные грядки. Хорошо они были высокие, мертвая зона получилась. А из кустов по нам был открыт шквальный огонь. Тогда мы гранатами закидали «духов».

Я подошел к тому, кто в меня целился, он убитый лежал, рядом винтовка, а в ней тот патрон, который осечку дал. Я его внимательно осмотрел: боек ударил чуть мимо капсюля. Машинально сунул этот патрон в карман, и пошли дальше.

Только ночью, уже когда мы вернулись с боевых, я вдруг проснулся, словно внутри какая-то пружина сработала, и аж вспотел, поняв, что был на волосок от смерти. Чудо меня спасло.

А тот патрон теперь хранится в Центральном музее Вооруженных сил.

* * *

Указ о присвоении мне звания Героя Советского Союза вышел 7 мая 1982 года. А через неделю нам поступил приказ выдвигаться в район Панджшерского ущелья для участия в крупной войсковой операции против формирований легендарного Ахмад-Шаха Масуда. Причем мой батальон поставили в авангарде дивизионной колонны.

Форсированным маршем мы прошли по горам приличное расстояние и достигли населенного пункта Базарак, где размещались многие штабные службы Масуда. Это было его родовое селение. Захватили много трофеев, в том числе узик, на котором передвигался Ахмад-Шах.

Где-то уже под утро, едва светать начало, я присел на глиняный дувал, чтобы передохнуть. Рядом, вокруг меня, разместились солдаты из взвода гранатометчиков. Я немного покемарил, потом тихо встал, чтобы пойти проверить остальных бойцов, и вдруг за спиной слышу почти паническое: «Где комбат? Где комбат?»

Возвращаюсь: «Вы чего шумите?» Оказывается, дело было в том, что эти гранатометчики на своем комсомольском собрании вынесли такое решение: «Аушева прикрывать ценой собственных жизней. Чтобы с этой операции он обязательно вернулся живым. Чтобы в Кремле ему вручили Золотую Звезду и чтобы с этой Звездой он возвратился в полк».

Вот так. А ты говоришь – солдаты...

Борис (Богаутдин) Аушев

Младший брат
Руслана
Аушева

Я в мае 1982-го был в отпуске, дома отдыхал. Сажу на дне рождения у друга в Грозном. Вдруг сестра его вбегает к нам в комнату: — Борис, у меня для тебя есть очень хорошая новость. С тебя — подарок.

— Ну, давай говори. Будет тебе подарок.

— Руслану присвоено звание Героя Советского Союза.

Я поспешил к нам домой. Отца застал за работой, он траву косил. Сказал ему про Руслана. Он промолчал, но я по его глазам увидел, какое счастье испытал при этом отец. Глаза таким огнем вспыхнули.

А 20 мая из Афганистана пришло письмо. Там было всего шесть строк. Я их запомнил наизусть:

«Дорогие папа и мама! Поздравляю Вас с присвоением Вашему сыну звания Героя Советского Союза. Спасибо Вам за то, что Вы меня родили, вырастили и воспитали. Я буду и впредь делать все для процветания своей Родины.

Ваш Руслан».

* * *

Меня зачислили в Академию имени Фрунзе. Настала пора прощаться с батальоном. Мы стояли тогда в ущелье Панджшер. Начало лета 1982 года. Командир полка говорит: «Собирай вещи». Ну, я собрался, дело-то нехитрое. Сажу на «летучке», понимаю, что вот сейчас уеду отсюда — сначала в Кабул, потом в Москву, и все, прощай, Афганистан. А солдатам моим еще воевать.

Заходит капитан Курманов, начштаба батальона:

— Товарищ командир, личный состав по вашему приказанию построен!

Молодец, Султан, все понял правильно. Я вышел. Стоят мои орлы на речной отмели. На лицах все написано. Тишина — мертвая.

Я застыл перед строем, а сказать ничего не могу. Комок в горле. Пилотку на глаза натянул. А глаза-то мокрые. Так и стояли минут пять в полной тишине. Потом нашел в себе силы:

— До свидания, товарищи!

Повернулся и пошел.

Когда вертолет взлетел, бойцы дали салют ракетами.

* * *

«Здравия желаю, товарищ майор! Обращаюсь к Вам так по старой привычке, хотя моя служба давно уже закончилась. Я уже дома. Даже не верится. 943 дня дома не был.

Извините, сразу не представился: старший сержант Крымский Юрий Павлович, из Вашего второго батальона.

Увидел Вас недавно по телевидению в программе “Время”, и захотелось Вам написать, так как нет такого дня, чтобы не вспомнил нашу совместную службу. Помню все — от самого первого дня, а особенно вспоминается Ваше прощание с батальоном там, в Базараке, в далеком ущелье. Помню долгие холодные ночи в горах. Все это мне очень дорого.

Годы службы в Афганистане стали для меня самым главным этапом в жизни. Может быть, ради них я вообще жил.

Я понимаю, что Вам многие пишут, да и учеба в академии отнимает много времени, но если у Вас появится свободная минута, ответьте мне, пожалуйста.

*С солдатским приветом,
Ю. Крымский,
г. Кишинев».*

* * *

Моя служба в Афганистане заканчивалась. Уже поступили документы из Москвы о зачислении слушателем Военной академии имени Фрунзе. Пришел попрощаться к новому командарму Виктору Федоровичу Ермакову. Он тепло меня принял, подарил на память часы. Потом спрашивает:

– Какие просьбы?

– Есть одна просьба, товарищ генерал, – отвечаю. – Два моих брата едут на смену. Можно сделать так, чтобы они проходили службу в моем полку?

– Сделаем! – тут же ответил Ермаков.

И действительно, вскоре Адам был начальником штаба 2-го батальона, затем стал командиром разведбата, а Борис – командиром взвода, в том же полку, где служил и я.

* * *

Адам, когда он училище окончил, думал, что война у нас будет с китайцами, поэтому напросился служить в Забайкальский военный

Адам Аушев (слева) приехал в госпиталь навестить раненого брата Бориса (справа)

округ, поближе к границе, к возможному театру боевых действий. Там и застрял, в укрепрайоне, в жуткой глухомани.

А война началась в Афганистане. То есть он прогадал. И только в 82-м, когда мне уже Героя присвоили и в Союз отправили после двух лет службы в Афганистане, Адам наконец попал на войну. До этого написал десяток рапортов начальству.

Тогда, кстати, случилась одна забавная история, связанная с ним. Адам в Забайкалье завел себе котенка, а когда уезжал в Афганистан, то решил послать кота к нам домой в Грозный. Как раз в отпуск ехал один солдат, наш земляк, вот Адам и попросил его об услуге. Сколотил ящик с дырками, поместили туда бедное животное, и оно отправилось через весь Союз – из Забайкалья на Северный Кавказ.

Маме Адам только написал, что приедет солдат с посылкой от него, а что будет в посылке – об этом не написал.

И вот приходит к нам в дом солдат. Мама говорит отцу: «Видишь, какой Адам у нас внимательный, посылку прислал». Открывает она ящик, а оттуда с воплем кот как выскочит. Все, конечно, опешили. а солдат объяснил, что ту пищу, которую он коту предлагал, тот не ел, так и проделал весь путь голодным.

Потом кот Васька много лет у нас пробыл. Стал всеобщим любимцем.

В Ташкенте мы должны были с Адамом накоротке пересечься. Я возвращался после двух афганских лет, а он только ехал на войну. Но Адам где-то задержался. Я звоню, звоню в кадры Туркестанского военного округа, но отвечают мне одно и то же: «Ваш брат пока не прибыл». А я уже в аэропорту, до вылета остаются считанные минуты. Последняя двушка для телефона-автомата осталась. Только набрал номер, как

Командир разведбата Адам Аушев. Он всегда действовал нестандартно, любил риск и часто сам шел впереди своих бойцов

сзади меня по плечу – хлоп. Оборачиваюсь – он, Адам. Ну, обнялись. Я ему говорю: «Давай сядем где-нибудь, и я тебя быстренько в обстановку введу». А он улыбнулся в свои пышные усы: «Езжай спокойно, а за меня не волнуйся, сам во всем разберусь, и читай газеты».

Я только потом понял, что он имел в виду, говоря про газеты. Тоже был уверен, что героем станет.

Поставили его начальником штаба того батальона, где и я служил. Когда он появился там, то сразу слух пошел: «Аушев вернулся». Тем более что и похожи мы с Адамом сильно. Потом он стал командиром разведбата.

Героя не получил, но Афгана хлебнул по горло. Тяжелое ранение. Орден Красного Знамени, два – Красной Звезды. Храбро воевал.

Будучи командиром разведбата, Адам участвовал в целом ряде чрезвычайно смелых и результативных операций. Он всегда действовал нестандартно, любил риск и часто сам шел впереди своих бойцов.

Три брата Аушевы были на войне в Афганистане. Все трое получили тяжелые ранения. На троих у них больше двух десятков боевых орденов и медалей. Такой семьи в Союзе больше не было

Однажды ему поступила информация о том, что из ущелья Панджшер, где была вотчина легендарного партизанского командира Ахмад-Шаха Масуда, в Пакистан должен проследовать караван с крупной партией лазурита. В Панджшере этот полудрагоценный минерал добывали, затем переправляли камни за границу, там выгодно сбывали, а на полученные деньги закупали оружие и боеприпасы. Один из братьев Ахмад-Шаха все эти годы постоянно жил в Лондоне и координировал коммерческую деятельность моджахедов.

Полученная информация говорила о том, что караван пойдет в стороне от больших дорог, через Махмудраки, Ниджраб, Саруби и далее к пакистанской границе. Причем было известно, что вместе с конвоем будут находиться иностранцы. А в те годы все мы были твер-

до убеждены, что раз иностранец, то обязательно агент ЦРУ или какой-то другой западной спецслужбы. Никто не мог себе представить, что просто гражданский человек рискнет сунуться на территорию, объявляемую войной.

Несколько дней подряд разведчики Адама сидели в засаде, поджидая «духов», и наконец засекли их. Открыли огонь. Сразу сняли верховых, однако группа людей, которая шла позади, успела раствориться в лабиринте местных кишлаков. Но все равно успех операции был очевиден: захватили две тонны лазурита, разгромили крупный отряд моджахедов.

А знаешь, кто был в той группе, которой удалось скрыться? Французские врачи и один западный журналист. Фамилия его теперь всем известна – это Савик Шустер. Сын еврейских эмигрантов, покинувших Вильнюс в начале 70-х, он сотрудничал с Радио «Свобода», писал репортажи из «горячих точек» в американские и западноевропейские газеты, неоднократно с партизанами переходил через пакистанскую границу в Афганистан. В 90-е годы Шустер работал на НТВ и однажды в разговоре напомнил мне об этом эпизоде. Тогда он и узнал, что был «на мушке» у моего старшего брата.

Борис (Богаутдин) Аушев

Я был самый младший из братьев. Всю тяжелую работу по дому делали они – Магомед, Адам и Руслан, а меня жалели. Мне, единственному из всех детей в семье, купили трехколесный велосипед. Правда, он быстро сломался, поэтому радость оказалась недолгой.

Руслан был жестким. Адам, напротив, отличался мягкостью. Ну кто еще мог кота завести? Если кому-то что-то нравилось из его вещей, Адам без колебаний эту вещь отдавал, дарил. Причем речь могла идти и о часах, и о магнитофоне. Про меня же говорили, что по характеру я между ними.

Отец нас специально никак не воспитывал. Просто жил, и все, но для нас этого было достаточно – он был безоговорочный кумир.

Когда братья поступили в военное училище, то за спинами у них смеялись: вот, мол, какие странные ребята, на двадцать пять лет сапоги добровольно надели. Даже некоторые близкие родственники недоумевали. Зато и Адам, и Руслан всегда приезжали на побывку довольными – веселые, энергичные, форма с иголочки, и об учи-

лище говорили с восторгом. Поэтому я после школы тоже не стал возражать отцу, пошел по его совету в военные. В том же училище, которое закончили братья, занялся спортом, выполнил норматив кандидата в мастера по пулевой стрельбе, увлекся йогой. Перечитал все военные мемуары.

Получив диплом, попросился служить на Дальний Восток. Там дали под командование взвод, потом роту. Все как положено. Я за полгода вывел роту на первое место почти по всем показателям. Мне было интересно работать с людьми, ставить трудные задачи и выполнять их. Кстати, пригодились советы, которые в своих письмах мне давал Руслан. Когда меня оттуда переводили, вся рота провожала до автобусной остановки.

А уезжал потому, что командование удовлетворило мой рапорт о желании служить в Афганистане. Первый раз я обратился с такой просьбой еще в конце декабря 1979 года, но лишь в октябре 1982-го оказался на войне. Причем опять пришлось командовать взводом, потому что вакансий командира роты на тот момент не было.

Адам приехал в Афганистан тремя месяцами раньше. Руслан, когда впервые узнал о моем желании участвовать в боевых действиях, то ответил мне, что он против. «Я за всех вас выполнил интернациональный долг». А когда я все-таки сообщил ему, что еду в Кабул, он написал: «Ну, что же... Не забывай, кто ты, откуда родом, про нашу фамилию не забывай. Я тебе помогать по службе не буду. Но кое-какие советы дам». Он писал о том, что в боевой обстановке важно ни на секунду не терять бдительности, внимательно анализировать ситуацию, быть наблюдательным. Писал о важности разведки.

Спал я вместе с солдатами в палатке, хотя мог бы, как другие офицеры, ночевать в модуле. По утрам рядом с бойцами делал ту же зарядку. В самых тяжелых боях мои солдаты действовали как одно целое. Один за всех и все за одного. И я никогда, ни на минуту не забывал, какую фамилию ношу.

Владимир Снегирев

В ингушских семьях не принято открыто выражать свои эмоции, какими бы сильными они ни были. Когда Адам и Борис приезжали из Афганистана в отпуск, Султан Юсупович свою радость выра-

жал только тем, что надевал по этому случаю праздничный пиджак с трудовыми медалями на лацкане. А всякие объятия и радостные многословия здесь были исключены.

Мама Тамара сказала мне как-то в порыве откровения:

— Когда Адам лежал после ранения в госпитале, то я ночей не спала. Так сердцу скучно было. Потом Адам приехал в отпуск — с палочкой ходил, худой, бледный. Молчал. Я его спрашиваю: «Сын, ты почему хромаешь?» — а он глаза отводит: «Упал я, ушибся».

Отец меня успокаивал: «Что ты маешься? Не только наши там. Русские, украинцы, грузины, азербайджанцы — все долг выполняют». А вижу: сам-то он переживает еще больше. По утрам к почтовому ящику бежит, все газеты перетрясет — нет ли писем из Афганистана.

РР Вообще-то нас, братьев Аушевых, четверо. Еще есть самый старший, Магомед. Но он после перенесенного в детстве полиомиелита остался инвалидом, одна нога у него не гнется. Он пошел по гражданской линии, окончил Ленинградский университет, стал юристом, сейчас на пенсии.

Адам после двух афганских лет отучился в Академии имени Фрунзе, затем был направлен служить в Германию. Но его все время не покидала детская мечта — быть поближе к органам правопорядка. И в конце концов добился своего, перешел на службу в центральный аппарат МВД, уже при министре Степашине стал генералом.

У Бориса тоже сначала все складывалось неплохо: академия, затем служба в Германии. Однако Афганистан неожиданным образом достал его. Борис там на ногах перенес тиф, а осложнения пошли гораздо позже. В конце 90-х встал вопрос: или увольняться из рядов Вооруженных сил, или перевестись в такое место, где был бы щадящий климат. В итоге он осел в Одессе, преподавал на военной кафедре, дослужился до подполковника. Потом был в Ингушетии секретарем Совета безопасности. Сейчас тоже в отставке, живет в родительском доме в Назрани.

* * *

Уже будучи слушателем Академии имени Фрунзе, я встречал в Москве своего самого старшего брата, Магомеда. Приехал во Внуково с товарищем, ждем, а самолет задерживается. Февраль, метеоусловия сложные. Тогда мой приятель говорит: «Пойдем в ресторан, там по-

«Афганцы», удостоенные звания Героя Советского Союза,
в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца

Ваше доброе напоминание о
Горьком Союзе меня...

Спасибо!!!
 26.10.2011

Дважды за свою военную службу он оставался без усов

сидим, пообедаем». Поднялись мы на второй этаж. Но это же 83-й год, тогда попасть в ресторан простому смертному было практически невозможно. Что делать? Пришлось прибегнуть к испытанному приему. Я снял перед швейцаром шинель: он, увидев героическую Звезду, тут же вытянулся и широким жестом распахнул перед нами дверь. А дальше началось нечто странное. Нас обслуживали не просто хорошо, а по высшему классу. Несколько официанток не отходили от нашего стола. Сам метрдотель контролировал их работу и приветливо улыбался нам издалека.

Все выяснилось, когда он решил подойти поближе.

– Это вы сбили южнокорейский шпионский самолет? – спросил метрдотель с большим почтением.

– Нет. Я к этому отношения не имею.

Он слегка смутился, но тут же взял себя в руки:

– Все равно, не беспокойтесь, пообедайте на здоровье. Приятного аппетита! – И он с поклоном удалился.

* * *

Дважды за свою жизнь я оставался без усов. Первый раз это случилось в ноябре 80-го, когда мы вернулись с боевых действий, которые проходили рядом с пакистанской границей. Я тогда был начальником штаба батальона. Командование вызывает: «Тебя и замполита 2-го батальона Блинова будем представлять к званию Героя Советского Союза. Надо сфотографироваться для представления. Усы сбрить – не положено с усами». Ну, куда деваться, сбрил. Однако представление дальше 40-й армии не прошло, там его притормозили, мне в итоге дали орден Красной Звезды, а Блинову – Красного Знамени.

Через год, когда, уже будучи комбатом, Героя все же получил, то как-то и усы не помешали, никто про них не вспомнил.

Второй раз усы приказали сбрить в ноябре 82-го, когда я уже был слушателем Военной академии. Готовились к традиционному параду на Красной площади. Вызывает меня начальник курса: «Усы разрешено носить только десанникам и морпехам». Опять я пошел навстречу и по площади шагал безусым.

Но когда через год эта история повторилась, я уже уперся: не буду! Начальник курса меня уговаривал, потом начальник политотдела, генерал. Но я стоял насмерть: хоть выгоняйте из академии, все равно не сбрею. Отступились.

* * *

Мне присвоили Героя, и я приехал домой в Грозный. Указ уже был подписан, только Звезду еще не вручили. Адам и Борька были тогда в Афганистане, это, кажется, июнь 1982 года.

Во дворе накрыли стол, пригласили родственников, друзей. Мать готовила еду, я тарелки гостям подавал. Естественно, как у нас положено, за стол не сажился. Один подвыпивший гость говорит моему отцу:

– Слушай, Султан, ты прямо изверг какой-то. Сын у тебя герой, первый среди ингушей, весь Союз его знает, а он вот уже пять часов стоит у нас за спинами, прислуживает. Разреши Руслану, пусть он с нами посидит.

Отец на это отвечает:

– Да, он пять часов стоит. А если мы будем сутки обедать, то он и сутки так простоит, и двое суток простоит, и трое. Я со своим отцом за одним столом ни разу не сидел, и мой отец со своим отцом, и мой сын никогда не сядет, а если Руслан нарушит этот обычай, то он не мой сын.

Мама услышала это и говорит:

– Вот разошелся! А сам-то ни одного дня не воевал.

Владимир Снегирев

Как-то я рассказал Руслану о скромной и тихой стенографистке из нашей редакции Кате Благодаревой. Она многие годы собирала фотографии односельчан, погибших в годы Великой Отечественной, скупые сведения о том, как они воевали. В той подмосковной деревне стараниями нашей Кати выражение «никто не забыт» обрело особый смысл: накануне очередной годовщины Победы односельчане на свои средства воздвигли памятник, на котором были

Тот самый день 9 мая. Руслан после митинга в подмосковной деревне с неразлучным Бесланом и стенографисткой «КП» Катей Благодаревой

высечены имена всех не вернувшихся из боя. Открытие памятника было намечено на 9 мая.

Я знал, что у Руслана на этот день было уже множество приглашений (выступить, поприветствовать, возложить и т. д.), поэтому и не надеялся уговорить его поехать со мной в ту деревню. Но он, выслушав, сам предложил: «А давай сделаем этой женщине сюрприз! Приедем вместе и публично скажем ей спасибо».

Поплутав по проселкам, мы слегка опоздали. Митинг уже был закончен. Районное начальство, отговорив положенные речи, разъехалось по другим делам, на другие мероприятия. Но жители этой типичной подмосковной деревни, состоявшей из полусотни почерневших от времени бревенчатых изб, не расходились. Они теснились вокруг памятника своим отцам, братьям, племянникам. Бабы плакали, мужики хмурили лбы и в кулак курили папиросы, а рядом был устроен самодельный стенд, и с фотографий глядели на односельчан родные лица из 41-го года.

Наша Катя стояла неподалеку, в белой кофточке, пунцовая от волнения. Она жила этим много лет и, наверное, не раз представляла, как все будет. Все было именно так. Кроме одного.

Молодой майор с геройской Звездой на парадном мундире подошел к ней и низко склонил перед Екатериной Константиновной свою непокрытую голову.

Владимир Чугунов

Президент Федерации боевого самбо Москвы, в 1983–1985 гг. – инструктор по рукопашному бою ЦС «Динамо»

В начале 1983 года мой друг, служивший в Грозном, Володя Ермаков обратился ко мне с просьбой:

– Ты не мог бы взять в свою секцию одного хорошего парня? Он Герой Советского Союза, слушатель Военной академии.

Я его выслушал и... отказал. Вдруг, думаю, это какой-нибудь пижон. а мне нужны трудяги. Однако Володя проявил настойчивость:

– Ну что тебе стоит посмотреть? Не понравится, тогда откажешь, и дело с концом.

И вскоре у нас в динамовском спорткомплексе на Петровке, 26, появился новенький. Он пришел прямо с занятий из академии – в военной форме с погонами майора. Робко так зашел в зал, предварительно сняв ботинки и шапку, но оставшись в шинели. Присел на краешек скамьи. Я ему говорю:

– Товарищ майор, у нас тут чистота, порядок, в верхней одежде быть не положено.

– А можно я так пока посижу, посмотрю.

– Нет, пожалуйста, выполняйте установленные правила.

Он с явной неохотой вышел из зала, а через минуту появился снова, уже без шинели. И вот тут-то я понял, отчего он не хотел ее снимать. Потому что с этого мгновения все мои каратисты как загипнотизированные уставились на Золотую Звезду, украшавшую китель майора. Она буквально притягивала их взгляды, и ничего поделать с этим было нельзя. А сам новичок густо покраснел.

Так в моей жизни появился Руслан Аушев, и уже вскоре он стал одним из самых лучших спортсменов нашей секции. Если бы в конце того же 1983 года «умники» из партийного руководства не запретили карате, то Руслан вполне мог бы получить черный пояс – свидетельство самой высокой квалификации в этом виде спорта, а так мы стали именовать свои занятия рукопашным боем, где никаких поясов уже не было.

Владимиру Чугуну (справа) на татами не было равных

Я был очень строгим тренером и редко когда хвалил ребят. Однажды в конце тренировки мне захотелось отметить Руслана — за фанатичное старание, упорство. Подошел к нему сзади — хлоп по плечу, а из-под кимоно аж брызнуло, то есть пот с него тек ручьем. Ох он и старался!

Однажды вот это его фанатичное отношение к делу сыграло со мной злую шутку. Мне пришлось лечь в больницу на серьезную операцию коленного сустава. Прооперировали удачно, однако выписывать не торопились, период реабилитации проходил долго и болезненно. И вот как-то в выходной день Руслан меня навестил, а он когда меня видел, то сразу «включал каратиста», просил показать какие-то приемы, спрашивал, как у него получается тот или иной элемент. И теперь тоже говорит:

— Володя, напомни мне, как действовать против человека, который на тебя автомат направляет. Вот у тебя костыль же есть. Давай он и будет автоматом.

Ладно, направил я на него свой «автомат», а Руслан среагировал точно, как я его учил: молниеносным ударом выбил у меня костыль, да еще так засветил ногой по колену, что у меня искры из глаз посыпались. Надо же, думаю, научил на свою голову.

Уезжая во второй раз на войну, Руслан пришел на Петровку, 26, чтобы попрощаться с товарищами по секции

Когда он уезжал после окончания академии в Афганистан, то собрал на прощальный вечер всех своих московских друзей. Меня попросил быть тамадой. Я уже к тому времени хорошо освоил эту кавказскую традицию, знал, как надо вести стол. И вот смотрю — он в нарушение правил с кем-то там шушукается. Говорю ему:

— Руслан, властью тамады ты наказан. Встань и постой, пока я тебя не прошу.

Он послушно встал и стоял до тех пор, пока я не смилился.

Владимир Снегирев

Я гостил у Руслана в Грозном. Тогда этот город был самым интернациональным на всем советском пространстве. Там мирно жили чеченцы, ингуши, русские, евреи, азербайджанцы, татары, немцы... Все.

Семья Аушевых занимала скромный дом с уютным двориком, увитым виноградной лозой. Тамара Исултановна вечно хлопотала по хозяйству: кухня, куры, гуси... Султан Юсупович тогда работал в областной газете, заведовал отделом. Я его побаивался, Султан Юсупович всегда смотрел на гостя слегка выжидательно и строго. Слова ронял скупой. Я все время боялся при нем сказать или сделать что-нибудь не так.

У них тогда появилась машина «Волга». Мы на ней поехали в Назрань, это был районный центр, и напоминал он большое село. Сплошь одноэтажные дома за каменными заборами. Скромное здание райкома и райисполкома. Коровы ходят по улицам. Пахнет шашлыком и навозом.

Конечно, прознав о приезде Аушева, в местном ДК стали собирать население, чтобы каждый воочию мог увидеть Героя. И вот мы

идем с ним по улице, а на лавочке сидят, подставив солнцу лица, три старика. Горбоносые, в каракулевых папах, в сапогах с галошами, они сидят молча и горделиво. Так, словно знают какую-то тайну. У них красные, натруженные шеи, узловатые руки. При виде Руслана они, как по команде, встают и тянут правые руки к тому месту, где сердце: «Салам».

Руслан смущен до слез. Это неслыханно, чтобы почтенные старцы вставали перед тридцатилетним парнем.

Потом, под вечер, возвращаемся в Грозный. Вдруг на бешеной скорости нас впритирку обгоняет «жигуленок», водитель которого широко улыбается Руслану и машет ему рукой, словно старому другу.

— Кто это? — преодолев испуг, спрашиваю я.

— Земляк, — неуверенно отвечает Руслан. — Но этого вполне достаточно, чтобы он пригласил нас в гости.

И действительно, наше сдержанное ответное приветствие приводит водителя «жигуленка» в настоящий экстаз. Он бросает руль и машет руками, как болельщик на стадионе. Обогнав нашу машину, он резко тормозит на обочине. Поневоле приходится останавливаться и нам. Далее Руслан попадает в объятия, сопровождаемые водопадом невнятных, но явно восторженных восклицаний. Просто земляк...

Как-то он говорит:

— Тут меня местные таксисты в свою бригаду зачислили.

— Это что означает? — не понял я.

— Ну, они работают и за меня тоже, а зарплату мою перечисляют в Фонд мира. Последний раз, когда у них был, таксисты попросили меня дать им адрес афганского кишлака, который недавно по телевизору показывали. Спрашиваю: «Зачем?» — «Там люди с голоду умирают, а мы хотим им продукты отсюда подбросить и деньгами помочь».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора. Вместо предисловия	5
НАЧАЛО	30
КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ	42
СНОВА АФГАНИСТАН	72
НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ	104
ПРЕЗИДЕНТ ИНГУШЕТИИ	136
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	196
От автора. Несколько слов вдогонку	245

Художественная публицистика

Снегирев Владимир Николаевич

РУСЛАН

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА ИНГУШЕТИИ,
РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ И ЕГО ДРУЗЬЯМИ

Оформление,
компьютерная верстка
Е.Ю. Шурлапова

Корректоры
М.Е. Козлова, О.В. Круподер

Подписано в печать с готовых файлов 28.08.2014
Формат 70х100/16. Гарнитура «Ньютон»
Печать офсетная. Печ. л. 15,5. Тираж 2 000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10